

Ю. ЛАТУККА***Ленин в подполье в Финляндии****

В последние дни сентября 1917 года в среде рабочих Петрограда и Москвы и вообще России большевики имели сильное влияние. Тысячами и десятками тысяч рабочие становились в ряды борющихся. Шансы Временного (второго коалиционного) правительства приостановить революционное движение трудящихся уменьшались изо дня в день.

Ставка Корнилова на контрреволюцию оказалась битой. Призыв «Вся власть Советам!» неся со всех уголков России. Даже из глухой провинции поступали сведения, что и здесь, среди беднейших и малоземельных крестьян, этот призыв спланирует их ряды, не говоря уже об армии, которая все более и более решительно становилась на революционный путь, — солдаты отказывались воевать и массами оставляли фронты.

Владимир Ильич Ленин по постановлению ЦК РСДРП(б) проживал в это время в Гельсингфорсе (Финляндия) у Ровио. Но так как из Гельсингфорса связь с Центральным Комитетом партии, находившимся в Петрограде, оказалась затруднительной, то явилась необходимость устроить Ленина где-нибудь поближе. Обратились ко мне. Я с радостью согласился дать ему приют у себя в Выборге.

В воскресенье 17 (30) сентября, в день, назначенный для приезда Владимира Ильича, я, встав рано утром и приведя комнату в надлежащий вид для приема дорогого гостя, пошел в город. Моя квартира находилась в рабочем квартале города, в так называемом Таликкала.

От радости, что мне предстоит принять вождя русского революционного пролетариата, я шагал легко и быстро.

«Привезти» Ленина из Гельсингфорса должен был тогдашний главный редактор местной рабочей газеты Хуттунен, на квартиру которого я и направился. Дверь открыли. Меня провели в комнату. «Где же Владимир Ильич? Дайте мне его увидеть поскорей». В ответ на мои слова Хуттунен сказал: «Пришел за ним? Сейчас увидишь, обожди минуточку», — и вышел.

* Юхо К. Латукка — финский журналист, член Социал-демократической партии Финляндии с 1904 г.. В 1917 г. — депутат Выборгского Совета. На его квартире скрывался В. И. Ленин в сентябре — начале октября 1917 г. перед возвращением в Петроград.

** Воспоминания «Ленин в подполье в Финляндии» печатаются по изд.: О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. М.: Политиздат, 1962.

Немного погодя Хуттунен позвал меня, сказав, что тов. Иванов (Ильич получил паспорт на имя рабочего Сестрорецкого оружейного завода — Иванова) ждет меня на кухне. Владимир Ильич сидел у стола и завтракал. Я поздоровался. «Меня зовут Ивановым», — потихоньку сказал он мне, причем по его глазам можно было прочесть: «Не спутайте меня, Иванова, с кем-нибудь другим, которого разыскивает по всей России Керенский и его компания».

Побеседовав немного, мы с Хуттуненом отправились на собрание, а Ленин остался у него до вечера. И только вечером, забрав «багаж» (три кипы газет и кое-какой скарб) и наняв извозчика, мы отправились по направлению к моей квартире.

Комната и в особенности книжный шкаф и полка с большим количеством русской подпольной партийной литературы понравились Владимиру Ильичу. Получив утвердительный ответ на свой вопрос: «Значит, эту квартиру вы, товарищ, предоставляете мне?» — Ленин пожал мне руку и сказал: «Здесь я смогу хорошо поработать».

И действительно, в своем новом «рабочем кабинете» он работал. Рабочий день был распределен у него точно. Установлены были определенные часы, когда вставать утром, для обеда и ужина, для бесед и дневного отдыха. Только время, когда ложиться спать, не определялось: «Ну, это будет зависеть от продуктивности истекшего дня, чтобы не осталось чего-либо недоделанного, — сказал Ленин и тут же добавил: — Хотя мы и требуем для рабочих восьмичасового рабочего дня и даже шестичасового в некоторых отраслях, мы, как партийные работники, не считаемся со своим рабочим временем». И этот план Владимиром Ильичем выполнялся точно. Отступления от него допускались им только тогда, например, когда из Петрограда приезжали товарищи.

Уже в 7 часов утра Владимир Ильич сидел у письменного стола. Каждое утро, уходя на работу (я был сотрудником местной рабочей газеты «Тюэ» — «Труд»), я заглядывал к нему в комнату, так как Владимир Ильич просил никогда не уходить, не предупредив его. Он всегда справлялся, когда вернусь, просил сообщать новости и т. д. «Следите за телеграммами ПТА [Прим. — ПТА — Петроградское телеграфное агентство.], я боюсь и очень боюсь, как бы мы не прозевали момента. Ведь при вспышке революции мы должны быть на месте», — говорил он мне. И я давал обещания следить за телеграммами, исполняя его поручения.

Дни уходили. Мы очень подружились; беседовали, когда Владимир Ильич уставал от чтения или письма. Шутили иногда. Интересно и поучительно было слушать его рассказы про свою жизнь в эмиграции, при этом Ленин говорил: «Быть может,

и вам, товарищи (то есть финнам), придется еще в жизни своей жить в подполье или эмигрантами». И он, как это показали затем последовавшие в 1918 году события, не ошибся.

В моей памяти осталось несколько интересных эпизодов из жизни Владимира Ильича в моей квартире.

По газетам он усердно следил за событиями в России и в других странах. Почту с утренними петроградскими газетами (они получались в Выборге в 11 часов утра) он ожидал, как голодный обеда. Интересно было смотреть, как бегали его глаза по столбцам газет, ни одна малейшая заметка не ускользала от его глаз. «Нельзя ли достать газет крайне правых партий?» — спрашивал он, и приходилось доставать.

Особенно набрасывался Ленин на черносотенные газеты. Ведь они критиковали шаги Временного правительства и указывали на те силы, группировки, которые способны были на контрреволюцию. А это нужно было Владимиру Ильичу для его статей, которые он писал и которые мною отправлялись в Петроград.

Событиями местного характера Владимир Ильич также интересовался. Узнав, что я в качестве представителя ЦК выборгских рабочих организаций часто бываю в Выборгском Совете рабочих и солдатских депутатов, он дал мне задание выяснить отношение Выборгского гарнизона к большевикам на случай захвата последними власти в Петрограде. Эту задачу я легко выполнил благодаря товарищам Ракову и Половому, которые имели точные сведения о настроении квартировавших в Выборге полков.

Ленин давал ценные указания, как в дальнейшем вести работу среди армии. Впервые он также указал на необходимость тесной связи между русскими войсками и финскими рабочими организациями.

В Выборгский Совет часто приезжали докладчики. Во время пребывания Владимира Ильича в Выборге предполагалось, между прочим, выступление с докладом о текущем моменте эсерки Марии Спиридоновой. Узнав об этом, я сообщил Владимиру Ильичу. Но лучше было бы ему об этом не говорить, ибо Владимир Ильич тотчас же начал обсуждать вопрос, как ему поступить, чтобы присутствовать на данном докладе. И, несмотря на то что я указал ему на полную недопустимость такого шага, он настаивал на своем: «Прослушать Спиридонову сейчас, в данный момент, политически мне очень важно и полезно». — «Этого я не отрицаю, товарищ, — ответил я, — но по многим причинам вас нельзя устроить без риска быть захваченным агентами Временного правительства».

На счастье, у меня мелькнула мысль, с которой Ленин тотчас же согласился. Я обещал сам быть на докладе и взять с собой одного

товарища, знающего стенографию. «Полная проверенная стенограмма будет в ваших руках на другой же день после доклада», — сказал я Владимиру Ильичу. На следующий день было получено известие, что доклад Спиридоновой не состоится. Дома я передал это Владимиру Ильичу, и он успокоился и шутя разбирал вопрос, какая кара была бы для меня от партии в том случае, если бы я не удержал Ленина и он на докладе был бы арестован.

Когда стало ясно, что второе коалиционное правительство стоит накануне своего падения, Владимир Ильич попросил приносить ему и вечерние газеты.

С этой целью я бывал в городе и по вечерам. Не помню — 6 или 7 (19 или 20) октября я получил вечерние газеты, содержавшие официальное сообщение о смене кабинета. Владимир Ильич, узнав, что в новый состав правительства входят Гвоздев, Ливеровский, Кишкин и пр., глубоко вздохнул и сказал: «Значит, наконец последнее правительство Керенского сформировано». Хотелось ему сказать, что, следовательно, следующим будет правительство «т. Иванова», но все же не сказал.

В те же дни было получено из Москвы сообщение, что на выборах районных дум большевистский список собрал значительное количество голосов. В какой-то газете, хорошо не помню в какой, было сообщено еще, что из 17 тысяч солдат Московского гарнизона 14 тысяч отдали свои голоса большевистскому списку. «Я не понимаю, почему при таких обстоятельствах они не берут власти в свои руки?!» — вырвалось у Владимира Ильича.

Ленин жил революцией и сам бурлил, как революция.

Помню, что он два-три раза писал довольно длинные письма в Петроград товарищам, руководившим движением, в которых отмечал, что история никогда не простит нам, если мы не возьмем власть в свои руки теперь.

На одно свое письмо Владимир Ильич по каким-то техническим причинам не получил ответа. Тогда он написал новое письмо, где указывал, что он сам, без разрешения ЦК партии, выйдет из подполья и прибудет в Петроград руководить революционным движением пролетариата. И только приезд Шотмана помешал ему исполнить свое решение. Помню, каких трудов стоило Шотману уговорить Владимира Ильича остаться еще на неделю.

Ленин согласился, но Шотман должен был написать на клочке бумаги, что он, Шотман, от имени ЦК партии не разрешает самовольного приезда Ленина в Петроград. «А подпись? — заметил Владимир Ильич, — Поставьте и дату». Эту историческую бумажку я взял от Шотмана и сунул в ящик комода. Там она осталась после отъезда Владимира Ильича; после моего бегства, при власти

белых в Финляндии, она была сожжена моими родственниками из опасения репрессий со стороны белых.

В последнюю неделю пребывания Владимира Ильича у меня он с раннего утра до поздней ночи работал, готовился к назревающим событиям.

В субботу 7 (20) октября прибыл наконец долгожданный Эйно Рахья с поручением от ЦК партии доставить Ленина в Петроград. Времени не стали терять. Смастерили парик, сделавший нашего Владимира Ильича неузнаваемым — финским пастором.

При расставании я пожелал Владимиру Ильичу счастливого пути и успеха в разрешении политических вопросов, находившихся на порядке дня в России. «Следуйте нашему примеру», — был сердечный ответ Ленина, и они вышли. Сели на трамвай и скоро были на вокзале. Поезд в 2 часа 35 минут дня дал свисток — «Октябрьская революция» была на пути в Россию. На станции Райвола наши путешественники оставили площадку вагона; часа через два Владимир Ильич на тендере паровоза, на котором машинистом был Ялава, и Эйно Рахья в первом вагоне поезда приехали на станцию Ланская и сошли с поезда. Через 2 недели, 25 октября (7 ноября), Октябрьская революция стала фактом.

* * *

Мне пришлось, как это уже предвидел Владимир Ильич, после поражения финляндской революции стать эмигрантом.

В 1918 году я два раза бывал у Владимира Ильича в Москве в Кремле. Первый раз, 30 июля, беседовали около полутора часов. «У меня найдется всегда время для друзей», — сказал он, когда я, окончив свое дело, хотел уйти, зная, что он занят более важными государственными и другими делами. Его интересовали тогда причины поражения финляндских рабочих в гражданской войне. «Посещайте меня, звоните номер 36–182, вас я всегда приму. Ведь теперь наша очередь помочь вам (финнам)», — говорил мне Владимир Ильич. Еще раз, 19 августа, побывал я у Ильича, когда прибывшие в Петроград беженцы-финны начали голодать. Ильич дал нам несколько вагонов хлеба. Больше мне не приходилось его видеть, так как я был командирован на работу в Петроград.

* * *

Ленина нет... Но он все же жив своими заветами...

«Следуйте нашему примеру», — сказал он нам, финнам, и только этим путем достигнем мы победы финского рабочего класса и беднейшего крестьянства, и Финляндия будет Советской республикой.